

Семь дней в Норвегии

Поездка в Норвегию назревала постепенно. В этой стране, в заполярном городе Тромсё, живет моя двоюродная сестра Светлана Акре (в девичестве Павлова) и после того как она побывала у нас в гостях, в городе Йошкар-Ола, и пригласила нас с женой посетить Норвегию, мы в семье неоднократно обсуждали возможность и время поездки, и наконец, было решено: ехать в Скандинавию надо в августе.

Впервые я увидел свою двоюродную сестру по материнской линии в Мурманске, куда приехал после окончания средней школы с намерением поступить в высшую мореходку. Мой отец рассказывал мне как ходил в море на рыболовных судах, а во время Второй мировой войны участвовал в походах Северных конвоев, на кораблях охранения, которые сопровождали английские и американские суда шедшие в Мурманск и Архангельск с необходимыми для нашей страны военной техникой, оборудованием, продуктами питания.

Вдохновленный рассказами отца о морских походах, я семнадцатилетним юношей прибыл в Мурманск, где, кстати, жили наши родственники. Через несколько дней моего пребывания в Заполярье, в выходной день, тетя Нила (у которой я временно остановился) в компании других наших родственников повела меня к дяде Паше и тете Гале, которые жили в городе Коле (город-спутник Мурманска). Дядю Пашу и тетю Галю до этого дня я видел только на фотографиях и с удовольствием согласился пойти к ним в гости.

Поскольку мои спутники, идя по улице, оживленно разговаривали я, не принимающий участия в беседе, оказался несколько впереди всей нашей компании. Неожиданно, в нескольких шагах от себя, я увидел девушку, которая стояла во дворе дома. Она была очень привлекательная: с темными, волнистыми волосами, стройная, с широко открытыми глазами и какой-то загадочной улыбкой. Не обращая внимания на то, что обо мне подумает сопровождавшая родня, я решил тотчас подойти к ней и познакомиться.

– «Здравствуйте. Меня зовут Анатолий. Я здесь в гостях. Пока в гостях». Девушка ответила довольно неожиданно: – «Я знаю». Пока я соображал, что означают эти слова, за спиной раздался голос тети Нилы: –«Да, они уже познакомились». И здесь я понял, что это Света – дочка тети Гали и дяди Паши. Конечно, я был рад, но еще более разочарован, так как девушка мне очень понравилась, но оказалась двоюродной сестрой.

За год, который я провел в Заполярье, мы со Светой подружились, иногда я приезжал к ней в Колу из Мурманска, где учился в пединституте и жил в студенческом общежитии (моим мечтам о мореходке не суждено было сбыться). Света училась в 10 классе. У нас не было разницы в возрасте, и мы легко находили общий язык.

Через год я уехал из Мурманска, так как перевелся в политехнический институт города Йошкар-Олы. Некоторое время мы переписывались, потом Света вышла замуж, и мы на многие годы потеряли какое-либо общение. В начале двухтысячных, через родственников я узнал, что Света живет в Норвегии, а вскоре получил от нее письмо, где она сообщила о своих изменениях в жизни. Мы стали созваниваться, а в мае 2005 года снова встретились в Мурманске, куда я приехал, так как давно хотел навестить город своей юности. У Светы поездка в Россию тоже была запланирована: в Мурманске жил ее сын от первого брака, и она регулярно навещала его. Впечатления от посещения Мурманска у меня были самые лучшие. Центр города, а именно Ленинский проспект, остался таким же, как и 30 лет назад, и я с удовольствием бродил по нему с ностальгическим настроением.

К моей великой радости, по поводу моего приезда, на квартире у одного из однокурсников собрались несколько моих товарищей – сокурсников по физмату и мы организовали импровизированный банкет. Вечер провели очень тепло: в воспоминаниях и беседах.

Уже в те дни мы договорились со Светой, что она побывает у нас в Йошкар-Оле. Светлана приехала к нам в гости через три года. Причем мы смогли познакомить ее не только с Марией Эл, но и организовали поездку на родину ее отца – в деревню Подольская Вологодской области и путешествие на теплоходе по Волге.

Ее приглашение посетить Норвегию мы, с женой Лидией Ивановной, сначала восприняли как вежливую формальность, но уже через несколько лет оно получило реальное воплощение. Мы уже не теряли связь со Светланой и регулярно обменивались новостями по телефону и через электронную почту, а июне 2014 года начали оформление виз, которое, кстати, не было простым делом, но, тем не менее, после оформления всех необходимых документов, 2-го августа мы выехали поездом в Москву, затем в Санкт-Петербург, откуда самолетом направились в Осло, а от туда в Тромсё.

Надо отметить, что путешествие к обеим столицам нашей страны было легким и приятным, так как в Москве нас встречали и провожали наши дети, а в Санкт-Петербурге двоюродный племянник Алексей Аноров. Он неизменный и незаменимый наш спутник и гид в городе на Неве. Ни одна поездка в Петербург членов нашей семьи не обходится без его участия: он показывает нам Невский проспект, мосты над Невой, ночной Петербург, неповторимый Петергоф и знаменитое Царское село.

В аэропорту Пулково, куда нас Алексей доставил на своей машине, мы легко и быстро зарегистрировались на свой рейс и в 14:00 вылетели самолетом компании «Norwegian» в Осло. Хотя летели мы почти два часа, предлагаемые напитки и обед подавались пассажирам только за отдельную плату в евро или в норвежских кронах (на российских рейсах стоимость напитков и обеда обычно включена в стоимость билета).

Осло встретил нас пасмурной и дождливой погодой, но в здании аэропорта, которое представляет собой современный комплекс из многочисленных просторных залов, переходов и коридоров, было тепло, светло и совсем не душно, несмотря на обилие пассажиров самых разных мастей. При прохождении паспортного контроля мы встали в очередь к пункту пропуска с меньшим количеством людей, где по-английски было написано «Норвегия, Европа, США». Мы посчитали, что Россия – это европейская страна, но не так думают норвежские таможенники, которые отправили нас к соседнему окну, где красовалась надпись «Весь остальной мир». Получается нас, россиян, приравнивали к африканцам, арабам и т.д. Мы не стали спорить, и, прошли паспортный контроль как нам предписали, но в итоге мы последними с нашего рейса вошли в ту часть терминала, где происходило получение багажа. У каждого эскалатора, по которому двигались сумки и чемоданы, на электронном табло имелись надписи с номерами рейсов и названиями городов, откуда прибыл самолет. Мы прошли все эскалаторы, но нашего рейса из Санкт-Петербурга не обнаружили. У багажной стойки я спросил девушку-служащую, где мы можем получить свой багаж. Уровень моего английского не блещет, но он достаточен, чтобы вполне четко сформулировать подобный вопрос. Девушка показала рукой влево, где находился зал приема дипломатических и специальных грузов, и сказала, чтобы мы обратились туда. Уже через минуту мы поняли, что сотрудница аэропорта ввела нас в заблуждение, но багажная секция была одна, и я был вынужден снова вернуться к ней. На наше счастье там, кроме странной сотрудницы, находился молодой человек, который сразу меня понял и направил к эскалатору № 8, что находился в самом конце зала и не был нам виден. Там мы благополучно получили свой слегка подмоченный багаж. Позднее, когда я расспрашивал Свету, почему сотрудница аэропорта была столь не компетентна, что не могла ответить на элементарный вопрос, сестра объяснила, что в период отпусков, основных сотрудников аэропорта иногда заменяют неопытные дублеры, которые не всегда хорошо владеют английским, да и свои функциональные обязанности знают не лучшим образом.

До вылета в Тромсё у нас было достаточно времени и мы, пройдя досмотр и поменяв, в пункте обмена валюты, евро на норвежские кроны, направились в одно из многочисленных кафе и закусочных. Уже здесь мы обратили внимание, что норвежские цены гораздо выше, чем цены на

соответствующие продукты и блюда в России, даже если учитывать, что мы обедали в международном аэропорту.

Через огромные окна терминала мы видели, что погода окончательно испортилась: начался настоящий ливень с громом и молниями. Большинство рейсов, в том числе, и наш, задерживались по погодным условиям. От нечего делать мы разглядывали сидящих, стоящих идвигающихся пассажиров разных национальностей. Среди прочих выделялись японцы, группы которых были очень организованы. Необычность нарядов у индусов непроизвольно останавливала на них неискушенные взгляды. Практичные европейцы не теряли времени даром: они в большинстве своем беседовали и одновременно жевали несоизмеримых размеров бутерброды. Сотрудники аэропорта передвигались по терминалу на специальных самокатах, быстро и не доставляя неудобств пассажирам.

Время от времени голос по радио на английском и норвежском языках информировал об очередной задержке и переносе рейсов. Мы же старались чаще смотреть на электронные табло, где высвечивалось ориентировочное время начала посадки рейсов.

Посадка на наш рейс началась поздно вечером – около 22 часов по местному времени, а в Тромсё мы прилетели уже за полночь. В аэропорту нас встречала Светлана, которая была информирована о задержке нашего рейса и терпеливо ждала улучшения погоды. Мы получили свой чемодан, который оказался промокшим не только снаружи, но и внутри. То ли чемодан, который был специально приобретен для этой поездки, оказался не качественным, то ли при перегрузке он надолго оставался под дождем, но вещи, которые находились в чемодане, оказались влажными. Правда, это мы уже обнаружили, когда прибыли в дом Светланы, куда мы добирались на её автомобиле. Из-за пасмурной погоды было достаточно темно (хотя в это время в Норвегии белые ночи), и мы больше слушали Свету, которая была за рулем, и меньше смотрели в окно, где можно было видеть только очертания гор, моря и домов. Добравшись до дома, где живет Светлана, мы долго сидели за столом – ужинали и разговаривали. Хозяйка готовилась к нашему приезду, ждала нас, поэтому стол ломился от многочисленных блюд и яств. Лидия Ивановна, в свою очередь, вручила подарки, которые мы привезли из России. Нам была отведена отдельная, уютная комната, где мы с удовольствием расположились на ночлег.

Утром, проснувшись, я вышел на веранду и крикнул: «Доброе утро, Норвегия!» Погода была самой благоприятной: солнце и очень легкий ветерок. Я осмотрелся по сторонам: море, горы и небо с бирюзовыми, бегущими облаками. Через несколько минут я решительно направился к морю, которое было совсем рядом. Дом стоит на берегу Норвежского моря, чуть выше, на специальных бетонных опорах, поэтому во время приливов

вода не доходит до строения. Умывшись соленой, но неожиданно не очень холодной морской водой и насладившись аурой северного моря, я вернулся к дому. Поместье Светланы (по-другому трудно назвать) состоит из нескольких построек. Кроме двухэтажного, деревянного, жилого дома, рядом расположились: здание бывшей фермы, складские помещения, гаражи и другие хозяйственные постройки. Во дворе стояла иномарка Светланы и небольшой трактор, он, как правило, используется для очистки подъездной дороги в зимнее время. Рядом с домом, на каменистой почве, разбит небольшой цветник, чуть поодаль – грядка с клубникой.

Примерно в двухстах метрах от дома сестры находится фермерское хозяйство соседей. Их коровы паслись на лугах около моря и выше, на склоне горы. Светлана объяснила, что с соседом у нее добрые и даже партнерские отношения. Она разрешает пасти скот на ее территории, сосед же, в свою очередь, чистит зимой на тракторе дорогу от трассы к дому Светланы.

На завтрак хозяйка приготовила огромное количество бутербродов с семгой, которые хорошо сочетались с различными паштетами и соусами. Колбаса, сыр, овощи также были на столе, но мы больше наслаждались норвежской рыбой, которую Светлана сама засаливала по специальным рецептам. Забегая вперед, скажу, что рыбы мы перепробовали за дни пребывания в Норвегии великое множество. Кроме семги это были лосось, треска, сайга, форель и т.д.

Плотно позавтракав и выпив кофе со сливками, мы поехали в Тромсё. Теперь мы могли хорошо рассмотреть все, что было за окном автомашины. Сначала мы ехали вдоль моря по неширокому, в две полосы шоссе, затем по длинному, консольному Тромсейскому мосту, который является достопримечательностью города и соединяет остров Тромсёя, на котором и расположен город Тромсё, с большой землей. Проехав мост, мы вскоре въехали в тоннель, который ветками расположен под городом. Стоянки автомашин тоже в тоннеле и надо отметить, что жители и гости города охотно пользуются подземными стоянками – они дешевле, чем обычные, наверху, в городе. Поскольку сеть тоннелей позволяет проехать практически в любую часть Тромсё, на улицах города нет столпотворения машин, их даже немного, по современным меркам европейских городов.

Мы оставили машину на подземной стоянке и отправились гулять по улицам города. Тромсё – это город и коммуна в Норвегии, административный центр фюльке (губерния) Тромс. Поселения на месте Тромсё существовали со времен эпохи последнего оледенения и в железном веке. Первая церковь в Тромсё была построена в 1252 году. Статус города Тромсё получил в 1794 году.

Тромсё – оживленный город, расположенный за Северным полярным кругом, среди фьордов и гор. Это крупный портовый и университетский центр, который часто называют «воротами в Арктику» и «северным Парижем». Кроме того, Тромсё – популярная точка на маршруте морских, авто- и велопутешествий по фьордам Норвегии. Этот город также привлекает любителей горных прогулок, скалолазания и рыбалки.

Учитывая, что Тромсё – это портовый, туристический город, здесь можно услышать речь на разных языках, включая русский. Русские в Тромсё приезжают не только как туристы. Здесь проживает достаточно большая русская диаспра. Норвежцы любят жениться на русских женщинах и поэтому здесь проживает много наших дам из Мурманска, Архангельска, Санкт-Петербурга. Светлана рассказала, что в ее окружении шесть-семь подруг из Росси, которые постоянно проживают в Тромсё. «Мы встречаемся по выходным, как правило, без мужчин. Обязательно откроем бутылочку или две вина, и наши разговоры продолжаются по несколько часов. Встречи эти происходят у кого-то в доме или в кафе». С некоторыми подругами сестра нас, впоследствии, познакомила. Интересно, что часть из них – истинные патриотки России, другая часть почему-то описывала свою жизнь в России только в мрачных тонах. С последними, наши дискуссии заканчивались ничем, каждый оставался при своем мнении.

Но вернемся на улицы Тромсё. Жилые дома – все деревянные. Кирпичные здания – это только школы, больницы и административные помещения. По нешироким тротуарам не торопливо прохаживались жители и туристы. В сувенирных лавочках большой выбор для иностранцев, но цены соответствуют уровню жизни норвежцев, который один из самых высоких в Европе. Дома норвежцев, как правило, небольшие, без всякой помпезности. Даже покрашены они в неброские, серых оттенков цвета, иногда присутствуют темно-синий и темно-красный расцветки. Автомшины норвежцев тоже скромные и неброские. Мы не увидели навороченных джипов, дорогих мерсов и лексусов, современных ауди, зато непрезентабельные тойоты, практичные фольсвагены и небольшие опели встречаются повсеместно.

Местные жители одеваются подчеркнуто скромно. Я бывал в Европе, но такую неброскость и скромность в одежде наблюдал впервые. Как правило, мужчины и женщины, юноши и девушки одеты в легкую обувь наподобие кроссовок, джинсы или темные штаны (брюками эту часть одежды трудно назвать, так как в большей мере они балахонистые и потрепанные), а также серые свитера и опять же серые или темные куртки. На голове – шапочки, у молодых людей надвинутые до бровей. На улицах и в офисах не встретишь ярких, стильных женщин и модных мужчин. Когда в супермаркете я обратил внимание на стройную, одетую в длинную юбку и цветную блузку девушку с модной прической, то это оказалась дочка Светланы. Они договорились

встретиться на несколько минут в фойе универсама. Этот случай вполне симптоматичен. Если встретишь в Норвегии красивую, стильно одетую женщину, можно с большей долей вероятности утверждать, что это русская женщина.

Русские женщины в Тромсё – это отдельная тема, требующая скурпулезного, социального анализа. Здесь же я отмечу лишь некоторые собственные наблюдения и впечатления. Во-первых, жизнестойкость и умение приспосабливаться к новым, не всегда комфортным условиям. Когда Светлану ее будущий норвежский муж Стейнар привез в Норвегию, она сразу, весьма прагматично, перераспределила обязанности работников в семейной ферме Стейнара. Сначала она заявила, что не за чем платить деньги ветеринару, так как все уколы и прочие процедуры коровам она, как опытная медсестра, может сделать сама. Затем уволила еще двух работниц фермы, объяснив, что с механизированной дойкой можно управляться без помощниц. Стейнар понял, что его русская подруга не только красива, энергична и коммуникабельна, она еще трудолюбива и предприимчива. Несколько лет они вместе успешно вели фермерское хозяйство, но болезнь, а затем и смерть мужа вынудили Светлану свернуть животноводческое производство. К тому времени она уже свободно владела норвежским языком и вернулась к своей привычной работе медсестры.

Во-вторых, русские женщины и за границей остаются верными своим манерам. Так, одна из русских подруг Светы, поссорившись со своим мужем, к его ужасу, тотчас схватила сковородку и треснула его, что было силы по загривку. Муж оклемался и через несколько дней обратился за консультацией в «Общество побитых мужей» (есть такие организации в цивилизованной европейской стране), объяснив жене при этом, что он это делает для того чтобы показать ей как надо улаживать конфликты. На что русская женщина ответила: «Если еще раз будешь мне что-то указывать в таком тоне, получишь сковородкой уже по голове». И этот физически сильный и высокий мужчина, ее муж, вынужден был больше не повышать голос на свою жену.

В-третьих, большинство из русских женщин быстро понимают за границей: руководствоваться надо только холодным рассудком, но никак не чувствами. Это позволяет им, раскованным и раскомплексованным, менять мужей, работу и города. Одна из наших дам, которой меня представила Светлана, уже через полчаса нашей совместной беседы рассказывала, что собирается в очередной раз сменить мужа. На мой вопрос – почему, она безапелляционно заявила: «Надоел. Зануда. Да и старый уже». На мой очередной, деликатный вопрос: «А будущий претендент уже известен?» последовал категоричный ответ: «Для нас здесь это не проблема. Норвежские женщины нам не соперницы». Я мог бы продолжить эту тему, но у этой статьи другие задачи и приоритеты.

Центр города Тромсё небольшой, его легко обойти пешком. С главной рыночной площади Stortorget открывается вид на гавань и Арктический Собор. Архитектурно Собор абсолютно не похож на культовое сооружение. Здание состоит из необычных, трехугольных конструкций. Главный вход Собора окружен большим стеклянным фасадом и украшен переливающейся мозаикой.

Привлекает внимание и Собор Пресвятой Девы Марии, самый северный на свете собор, посвященный Богоматери. Эта католическая церковь является кафедральным собором территориальной прелатуры Тромсё. Приход собора объединяет около 500 верующих разных национальностей.

Нельзя было не заметить огромные портреты экс-чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова, которые висели на фасадах некоторых зданий. В это время в Тромсё проходила всемирная шахматная олимпиада, но только портреты Каспарова почему-то были развешаны в городе.

Нагулявшись вдоволь по тихим, спокойным улицам Тромсё, мы зашли в кафе. Пиво, которое мы там пили, было отменного качества, а креветки, тарелку которых нам принесла официантка, были необычно большими и, я бы сказал, жирными. Наслаждаясь пиршеством, я обратил внимание, что за соседним столиком сидели пять мужчин, старше среднего возраста и пили кофе. Кофе они пили еще до нашего прихода в кафе, угощались им, когда мы находились в кафе, и когда мы уходили, они оставались за чашечками кофе и беспрерывной беседой. В свое время я наблюдал в Германии как мужчины – посетители кафе и баров не торопливо пили пиво, во Франции воочию видел, как в теплые дни парижане, под зонтиками уличных кафе, распивали по несколько часов бутылочку вина, но то, чтобы взрослые люди часами сидели за чашечкой кофе, было для меня откровением. На мой вопрос: «Норвежцы вообще употребляют алкоголь?», Света очень доходчиво предложила провести эксперимент: «Ты сейчас подходишь к соседнему столику, по-английски представляешься и предлагаешь совместно выпить водки или коньяка за счет туриста из России. Дальше всё увидишь сам».

«И что будут пить?»

«Да, будут. И пить будут до тех пор, пока угощаешь, а за свой счет они алкоголь стараются не употреблять. Во-первых, водка, коньяк и виски здесь достаточно дорогие, а во-вторых, такой менталитет. Когда норвежцы приезжают в Россию, то пьют много и не только по тому, что у нас алкоголь на порядок дешевле, а еще и потому, что они считают: в России позволить пить могут все».

Наши валютные возможности не позволили мне провести этот эксперимент, но я вполне довольствовался объяснением сестры, которая, наверное, знала, что говорила любопытному брату. Закончив приятную дегустацию норвежского пива, мы поблагодарили милую официантку и

снова вышли на улицу. Кафе располагалось рядом с гостиницей - высоким многоэтажным зданием. Перед входом в гостиницу была установлена скульптура обнаженного мужчины, в очень темном, почти черном, цвете. Такая же скульптура находилась в холле гостиницы. Что они символизируют мы так и не поняли, но предположений было озвучено нами не мало. В фойе гостиницы толпилось множество людей. Это были официальные лица от шахматных кругов, которых можно было определить по строгим костюмам, непосредственные участники шахматных соревнований одетые демократично в футболки с надписями, а также тренеры и представители от разных государств. На лифте мы поднялись на смотровую площадку, расположенную на крыше гостиницы, и нам открылась вся панорама Тромсё. Город занимал весь остров, а вдоль берега располагались причалы для судов разного назначения от океанских лайнеров и судов ледокольного класса до небольших яхт и катеров. Мы сделали несколько фотоснимков и спустились вниз.

Лидия Ивановна настояла, чтобы мы сделали экскурсию по магазинам, так как надо было, не откладывая, начинать приобретать подарки, а также познать де факто розничные цены в этой благополучной стране. Мы уже знали от Светланы, что даже самая маленькая пенсия в Норвегии не может быть менее 10 тысяч крон в месяц, а средняя заработная плата составляет от 15 до 25 тысяч крон, но даже при таких доходах сами местные жители могут позволить себе купить далеко не всё. Надо отдать должное упорству моей супруги – каждый день нашего пребывания в Тромсё, она заходила в какой-либо универсам и к концу нашего пребывания все подарки для детей, внуков и друзей были закуплены. Учитывая цены на товары в этой стране, сделать это обычным русским туристам было далеко не просто.

Немного утомленные, но полные впечатлений, мы возвращались в дом Светланы, где нам был организован богатый ужин. У Сестры был большой выбор вин в баре, кроме этого в погребе хранилось еще несколько десятков бутылок от шампанского до «Хеннеси». Многое мы перепробовали уже в первый вечер, но после столь насыщенного дня, предпочли остановиться на столовом грузинском вине. Пресыщенный увиденным, отведав доброго вина и порадовавшись шикарному ужину, я попытался посмотреть телевизор, но сон накатился с безальтернативной силой и я с удовольствием покинул своих дам, которые еще долго щебетали за разговором.

Утром следующего дня, после завтрака, женщины были заняты своими делами, и у меня появилось время посмотреть новости по телевизору. Я поднялся на второй этаж (чтобы не мешать остальным) и начал просмотр каналов. К своему удовольствию, обнаружил, что на норвежском TV представлено несколько русскоязычных каналов. Полистал и англоязычные каналы. К моему удивлению они в программах новостей рассказывали обо всём: о палестинских боевиках, израильской разведке, положении в Сирии и

Ливии, о стрельбе полицейских в США, но почти ничего не упоминали о событиях на Украине. А если и говорили, то о поддержке новой украинской власти, которая придерживается западных ценностей и демократического курса, но вынуждена временно проводить иногда жесткие меры. Однобокость освещения событий и двуличность позиций англоязычных каналов были видны невооруженным взглядом.

Третий день нашего пребывания был посвящен морской прогулке. На причале мы вошли на борт скоростного пассажирского судна и через несколько минут уже плыли от Тромсё по Норвежскому морю вдоль побережья. Море и горы – это основной пейзаж Норвегии. Горы возвышаются по всему побережью, отвесные, скалистые, пологие, усыпанные валунами, плоские и беспорядочно рельефные. Это разнообразие величественных гор и причудливых скал с зеленым подножьем у берега моря создает неповторимый ландшафт и своеобразный климат. Благодаря теплоте течения Гольфстрим и наличию гор, защищающих норвежское побережье от разных циклонов и антициклонов, средняя температура воздуха в Северной Норвегии зимой -15, а летом +15. Таким образом, ни жары, ни холода они практически не знают. Такой благоприятный, какой-то усредненный климат позволяет жителям страны не заботиться об утеплении домов. И зимой, и летом в домах норвежцев работают небольшие агрегаты – подобие наших кондиционеров. Летом они дают прохладу, зимой – тепло. Питание - от электросети. Никаких печей и центрального отопления. Я как-то спросил Светлану: «А если авария или еще что-либо, не дай бог? Что тогда?» - «У нас такого не происходит», - последовал ответ. Но произошло. В один из дней на несколько часов электричество было отключено. Благо было лето, но даже чайник нельзя было вскипятить. На мой ироничный вопрошающий взгляд сестра ответила: «Это ремонтные работы. Нас предупредили».

Итак, мы плыли по Норвежскому морю. И слева, и справа по курсу то и дело появлялись острова. Вообще, всё побережье Норвегии как бы изрезано многочисленными заливами и бухтами, а в море, рядом с материком, расположены тысячи островов: обжитые, с городами и причалами; малонаселенные, с небольшой кучкой домиков и совершенно безлюдные.

Наш теплоход причалил на острове, где расположен город Finnsnes, и мы сошли на берег. У нас в планах не было экскурсии по этому городу, мы лишь немного погуляли рядом с пирсом и решили плыть обратно, но уже на другом пассажирском теплоходе, который совершал круизные плавания на дальние расстояния. Это был не новый, но очень комфортабельный и даже респектабельный теплоход с каютами для пассажиров, кафе, ресторанами, просторными палубами и удобными фойе для отдыха. Взойдя на борт, мои спутницы начали знакомство с этим большим теплоходом, а я сидел в кресле в одном из фойе и смотрел на короля и королеву Норвегии. Нет, они не совершали вместе с нами морскую прогулку. Это была картина, где на

большом полотне, обрамленном дорогой резной рамкой, были изображены в полный рост августейшие особы: король в парадном военном мундире, королева в длинном бальном платье. Это художественное изображение позволило впоследствии мне шутить, что в Норвегии я видел только двух красиво одетых людей – это король и королева. Я полюбовался царствующими особами, а затем вышел на палубу. Здесь находились в основном туристы из разных стран. Попросил одну англичанку интеллигентной внешности сфотографировать меня, она предупредительно уточнила: «На фоне норвежского флага, или без него». Я ответил: «Сделайте два снимка: с флагом и без флага». Вежливость и предупредительность – это отличительная черта не только туристов из Великобритании, сами норвежцы относятся друг к другу и к зарубежным гостям очень любезно и корректно. Они не могут создать каких-либо неудобств соседям, коллегам, случайным встречным в силу своего воспитания и менталитета. Даже в магазинах, где соответствующее обращение с клиентами, как бы аксиома, на лицо всегда особо внимательное отношение к посетителям. Продавцов не раздражают глупые вопросы и странные просьбы. В очередной раз, забегая вперед, скажу, что когда мы покупали семгу в норвежском EUROSPAR, чтобы взять с собой в Москву и в Йошкар-Олу, Лидия Ивановна подгоняя вес рыбы под выделенную для этих целей валюту, несколько раз просила то убавить, то прибавить количество рыбы, но продавщица делала это спокойно и без раздражения. Мило поблагодарила за покупку и сказала, чтобы мы заходили еще. Таких примеров можно привести множество. К любому незнакомому прохожему можно смело обратиться с любым вопросом. Он с пониманием отнесется к корявому английскому, и даже если он сам не знает английского (такое бывает, местные жители общаются на норвежском), то все равно сделает все возможное, чтобы понять ситуацию и помочь.

Теплоход держал курс на Тромсё. Мы, наконец, нашли друг друга в бесконечных переходах, залах, лестницах, и уже все вместе вышли на палубу. Снова и снова мы смотрели на завораживающие глаз море, горы и небо, а когда теплоход подходил уже ближе к Тромсё, Светлана по очертаньям берегов рассказывала нам, где находятся рыбоперерабатывающие фабрики, небольшие причалы частных владений и зеленые пастбища фермеров. Для нее подобные путешествия – обычное дело. Иногда, как правило, на выходные, она с подругами заказывает столик в ресторане теплохода, и они совмещают познание новых морских маршрутов с норвежской кухней.

К питанию, начиная с кофе и заканчивая десертом, норвежцы относятся основательно. Мало того, что перекусить или плотно пообедать можно почти везде: в городе, в придорожных кафе, на теплоходах и яхтах, в отелях и мотелях, норвежцы, если куда-то едут, берут с собой бутерброды и термос с кофе. Это привычно и естественно. Перекусы они устраивают запросто, как

только кто-либо из семьи или компании предложит выпить кофе. В общем, на аппетит они не жалуются, может, поэтому средний рост мужчин-скандинавов выше среднего роста европейцев. А если к этому добавить еще и светлые волосы, то в этом случае, мужчины-скандинавы выглядят очень эффектно.

Прибыв в Тромсё и благополучно сойдя на берег после увлекательной морской прогулки, мы обнаружили, что день еще не закончился и направились в научно-познавательный центр Полярия (Polaria). Это своеобразное здание, состоящее как бы из ледяных глыб, которые вытеснены суровым океаном в Арктике, построенное в 1996-1998 гг. в авангардном стиле, заметно выделяется из общей массы строений города. Предназначено оно, чтобы публика воочию могла видеть животный мир северных морей. Сначала мы рассматривали разнообразных морских рыб, которые в огромном, но не очень глубоком бассейне, наполненном не только морской водой, но и растительной фауной моря. Некоторые невиданных размеров рыбы лежали почти неподвижно, до них можно было дотронуться рукой, но и тогда они не особо реагировали. Сытые и не нуждающиеся добывать себе пропитание, гоняясь за более мелкими рыбами, они тупо лежали в бассейне, едва шевеля плавниками. Рыбы поменьше резво плавали в этом искусственном мире, уже не догадываясь о настоящем море – их родине. Все, что находится в бассейне, можно было рассматривать не только сверху, но и снизу. Он снизу, в специальных проходах – стеклянный. Зрелище неопишное. Через полчаса в другом бассейне началось кормление и выступление дрессированных тюленей. Они плавали с шарами, прыгали через кольца, делали сальто, выпрыгивая из воды, и многое другое. Но подобное я уже видел в Ялте на выступлении дельфинов. С чувством легкого пресыщения от полученных впечатлений мы возвращались на Straumsvegen, где расположено поместье Светланы, при этом, не изменив уже сложившейся традиции: посетив по дороге пару-тройку магазинов.

Четвертый день нашего пребывания в стране легендарных викингов был посвящен настоящей морской рыбалке. Света договорилась с одной из подруг, у которой муж, владелец катера, согласился организовать нам рыбалку в море на треску и сайгу.

Мир наш, воистину, тесен. Подруга Светланы Лена, встречавшая нас на причале, оказалась моей землячкой. Она родилась и выросла в Тотемском районе Вологодской области. Вологодчина – это моя малая родина, и мне было приятно встретить землячку, которая владела одинаково хорошо русским, английским и норвежским. Ее муж – Рольф, хозяин и капитан катера, русским не владел, но отлично говорил по-английски и естественно на норвежском. С ним у меня сразу установились дружеские отношения. У Рольфа, ученого и консультанта муниципалитета, имеется два хобби: столярное (плотницкое) дело и морская рыбалка. Его катер, двенадцати

метров в длину, оснащен всем необходимым: навигатор, эхолот, панель управления, где компьютер показывает в режиме онлайн глубину моря, рельеф дна, расстояние до берега, проходящие судна и т.д. В рубке для пассажиров имеется стол, удобные диванчики, газовая плита, небольшой посудный шкаф, отдельный туалет. Электропитания от мощных батарей, которые заряжаются от генератора, хватает на многодневное автономное плавание. На палубе были приготовлены спиннинги и специальная большая емкость размером с ванну - для улова. Рольф проинструктировал нас, как обращаться со спиннингами, и мы с удовольствием приступили к делу. Все просто: мы закидывали спиннингом леску с блеснами и крючками, давали возможность опуститься ей до дна (это 10-12 метров), а затем быстро сматывали на барабан. Рыба буквально атаковала наши снасти, и мы только успевали ее вытаскивать. Небольших по размерам рыб мы отцепляли и сбрасывали обратно в море, а настоящих, крупных снимали с крючков и бросали в «ванну». Отцеплять тяжелых рыб, которых трудно было удержать одной рукой (в другой руке спиннинг), причем скользкая, мокрая рыба всячески извивались, совсем не просто. Поэтому я постоянно говорил Рольфу: «Help me» (Помоги мне). Он ловко снимал рыбу (или две) с крючков, я снова закидывал спиннинг, и всё повторялось. Лидия Ивановна, вообще, впервые участвующая в рыбалке, была самой удачливой. Редкий ее заброс обходился без одной или двух пойманных рыб. Время от времени Рольф давал команду поднять спиннинги и менял место нахождения катера. По приборам он видел косяки рыб, передвигающихся в глубине моря. В течение двух часов мы практически полностью заполнили уловом ванну, и Рольф причалил к одному из островов, где находился специальный деревянный причал. Рольф занялся чисткой рыбы, бросая внутренности разделанных рыб в море, где их тут же пожирали стаи приплывших рыб и прилетевших чаек. А мы расставили складные стол и стулья, вытащили из рюкзака термоса и бутерброды, и когда Рольф закончил свою работу, принялись трапезничать, обдуваемые свежим воздухом Норвежского моря.

Меня очень интересовало, почему при таких уловах, Рольф не займется промысловой добычей рыбы на продажу. Рольф объяснил, что лицензию на промысловый лов просто так не получить. Надо, чтобы заявитель уже имел опыт работы в рыболовной отрасли. Кроме того, преимуществом пользуются те претенденты, у которых отцы, а еще лучше и деды занимались рыболовством. Семейная преемственность очень ценится и, безусловно, имеет важное значение. А так, чтобы гражданин, допустим, всю жизнь работал водителем или учителем, а потом вдруг решил заняться рыболовством и подал заявку на лицензию, то однозначно будет отказ. Я рассказал Рольфу, что мой отец перед Второй мировой войной ходил в море на рыболовных судах, приписанных в Мурманске.

- «Этот факт был бы учтен, если бы я сделал заявку на профессиональный лов в Норвегии?»

- «Конечно», - отвечал Рольф, улыбаясь.

Лена спросила Рольфа: «Все ли он понимает, что Анатолий говорит ему по-английски». Рольф, видимо обладая хорошим чувством юмора и учитывая уровень моего английского, ответил: «Я не только разбираю, что Анатолий говорит по-английски, но я даже понимаю, что он хочет сказать». Когда Лена перевела дословно их разговор с норвежского на русский, я широко улыбаясь, пожал Рольфу руку.

На пирсе в Тромсё, где наш столь приятный и удачный морской круиз завершился, Рольф большую часть улова передал нам. Мы, в свою очередь, вручили ему бутылку коньяка из погреба Светланы и договорились, что встретимся еще раз, уже на берегу, для общения. К сожалению, из-за плотной программы нашего пребывания в Тромсё, расписанной Светланой заранее, мы не смогли больше увидеться с Рольфом и Леной, но всякий раз, когда я звоню из России Светлане в Норвегию, то прошу передать приветы этим милым, очень гостеприимным и предупредительным супругам.

Вечером женщины приготовили из нашего улова прекрасный ужин, и мы снова за бокалами вина сидели в уютном доме сестры и делились впечатлениями. Незаметно разговор перешел на украинскую тему. Светлана оставалась истинной патриоткой России. Даже информацию о делах международных она предпочитала брать из русскоязычных каналов, а не из норвежских. Накануне как раз произошел показательный случай. Одна из ее школьных подруг, теперь проживающая в Западной Украине, в телефонном разговоре со Светой стала откровенно обвинять Россию и Путина во всех бедах Украины. На что Светлана очень четко сказала: «Ты или прекращаешь чернить нашу страну и нашего президента, или ярываю с тобой всякие отношения». Собеседница моментально сменила и тон, и тему. К сожалению, не все выходцы из России, проживающие в Норвегии, придерживаются подобных взглядов, а тем более открыто высказывают свою позицию. Сами же норвежцы в большинстве своем боятся России и уповают на НАТО. Трудно объяснить, почему в демократической и благополучной стране такая атмосфера недоверия к России, которая никогда не имела территориальных претензий к Норвегии, но это недоверие буквально проходит красной линией в центральной прессе Норвегии. В этом плане норвежцы настроены более недружелюбно, чем Европа в целом, исключая страны – «моськи» Прибалтики и Польшу.

Рано утром следующего дня мы встречали Диму - сына Светланы, который живет в Мурманске и иногда навещает свою мать в Тромсё. Он приехал на своей машине и сразу включился в хозяйственные дела. Первым делом он осмотрел в порядке ли трактор, стоящий во дворе, отремонтировал

кран в ванной комнате, а затем направился к озеру, которое находится в земельных владениях Светланы. Еще Стейнар, муж Светы, в свое время запустил в озеро несколько мальков форели, и теперь Дима во время своих краткосрочных побывок у мамы непременно на удочку ловил озерную рыбу.

Мы же в этот день решили (согласно утвержденного плана) отправиться в город и по знаменитой канатной дороге Фуникулер подняться на самую высокую гору местности Флэйе (Fjelheis). В кабине подъемника вместе с нами поднималась пара из Финляндии. По огромным фотоаппаратам, висевшим у них на груди, и по треноге, которую они взяли с собой, было очевидно, что это профессиональные фотографы.

Когда я, шутки ради, сделал вид, что ужасно боюсь высоты (это, кстати, недалеко от истины) и что может зря мы затеяли эту авантюру, девушка-финка на хорошем русском стала меня успокаивать и рассказывать какой изумительный вид нам откроется сверху. Ради этого стоит пересилить любой страх. Мы познакомились. Девушка - тоже из России, вышла замуж за своего коллегу-фотографа из Финляндии. Вместе путешествуют. Вообще, бывая за границей, я для себя сделал вывод – русские есть везде, и это радует.

Со смотровой площадки, которая расположена выше высоты птичьего полета, хорошо рассматривались не только весь город Тромсё, но и прилегающие к морю горы, а также приплывающие и отплывающие от причала большие и маленькие теплоходы и яхты. Впрочем, с такой высоты они все казались игрушечными. Тем не менее, Светлана попыталась объяснить нам в каком месте, неподалёку от Тромсё, во время войны был затоплен немецкий линкор Тирпиц, на котором погибли почти 1000 немецких офицеров и моряков.

К смотровой площадке примыкала пологая зеленая лужайка, на которой проходил какой-то молодежный слет или просто сбор группы энтузиастов. Они сидели на траве и слушали наставления инструкторов. Сделав несколько снимков, мы направились в уютный ресторанчик, расположенный здесь же, рядом со смотровой площадкой, где с аппетитом вкушали многослойные норвежские бутерброды, представляющие из себя батон разрезанный вдоль, внутри которого находилось невероятное количество мяса, сыра и овощей. Все это запивалось ароматным кофе и сопровождалось приятной беседой.

Насладившись горной высотой Флэйе, мы на подъемнике отправились в обратный путь. Времени до конца дня было еще достаточно, и мы воспользовались приглашением одной норвежской знакомой Светланы и отправились в гости в престижный район Тромсё. Как сказала сестра, это маленькая норвежская «Рублевка», но удивить нас не удалось. В престижном квартале города стояли новые, но обычные деревянные дома в норвежском стиле. Участки, на которых располагались строения состоятельных горожан, были весьма небольшими. Кроме непосредственно жилого дома там

располагались, как правило, гараж и маленькая площадка для автомашины. Внутри элитного, по норвежским представлениям, дома было комфортабельно, мебель - в современном европейском стиле, но все помещения за исключением ванной комнаты были небольших размеров. Хозяйка, после экскурсии по дому, пригласила нас на открытую веранду, где угощала нас кофе. Во время беседы выяснилось, что ее муж, очень состоятельный бизнесмен, находится сейчас в США, где у него имеется недвижимость. Сама хозяйка, несколько лет назад получившая травму, оформила инвалидность и ей государство выплачивает неплохую пенсию, несмотря на то, что последствия травмы давно прошли, и она занимается спортом: ездит на велосипеде, катается на лыжах, ходит в горы. В Норвегии если оформлена пенсия - это пожизненно. Очень осторожно хозяйка расспрашивала о России, и выяснилось, что ее представления о нашей стране настолько далеки от действительности, что абсолютно все ее высказывания приходилось сначала деликатно, а потом уже настойчиво опровергать. Например, её очень интересовало: будут ли высылать из России лиц с двойным гражданством, как сильно преследуются граждане, у которых есть родственники за границей и т.д. В заключение беседы я пригласил собеседницу в Россию, где она сама все увидит, и добавил пословицу: «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

Несколько разочарованные, мы покидали местную «Рублевку», но очередное посещение сувенирного магазина, где приятные продавщицы уже знали нас в лицо и исполняли все наши капризы в части приобретения сувениров, вернуло нам благодушное настроение, и, захав по сложившейся традиции в EUROSPAR, к вечеру мы прибыли домой.

Шестым днем нашего пребывания была суббота, и Светлана, ещё с вечера, объявила, что приготовит по особому рецепту утку в честь приезда ее дочери, внучки и ее норвежского зятя, которые по выходным иногда приезжают к ней из Тромсё. Мы стали готовиться к приезду гостей и знакомству с норвежским родственником. Но к обеду, который с таким старанием приготовили Светлана Павловна и Лидия Ивановна, приехала только дочка Светы - Марина с маленьким внуком Максом. Зять не приехал. На недоуменные вопросы матери Марина смущенно объяснила, что он уехал на работу и прочее. «Сегодня выходной», - парировала Света, и на этом диспут по поводу зятя завершился. «Не захотел встречаться с русскими родственниками» - единодушно отметили мы с Димой и решили сделать соответствующий ответный шаг. Женщины хотели оставшуюся от обеда часть утки отправить зятю, но стоило им отлучиться из-за стола, Дима, под мою одобрительную улыбку, через силу, но доел - таки утку, дабы не доставалась не уважившему нас заморскому родственнику.

Мы попрощались с Мариной, взяв с нее обещание: не забывать о России, ее родном Мурманске и обязательно приехать к нам в гости в Марий Эл.

Женщины принялись убирать со стола и мыть посуду, а я решил обойти земельные владения сестры. Благо как пройти к озеру с форелью мне подробно рассказал Дима, и я отправился в путь. Владения оказались немаленькими. Кроме непосредственно строений в распоряжении Светланы: луга, каменистый участок с кустарником, деревьями и ручьем, а также упомянутое озеро. Однако владениями земельный участок назвать можно только условно. По норвежским законам земля может передаваться по наследству, но не может продаваться. Если, допустим, фермер решил продать свой дом, ферму, оборудование покупателю, который хочет заниматься сельским хозяйством, фермер от покупателя получает деньги за постройки и технику, но земельный участок передает бесплатно в пользование новому хозяину. Сельскохозяйственные угодья в Норвегии государство оберегает и строго контролирует их использование. Поэтому в этой скандинавской стране на сельскохозяйственных землях не строятся гостиницы, магазины, автосервисы, лодочные станции, автозаправки и т.д. Приобрести в пользование сельхозугодья можно только, если потенциальный будущий хозяин действительно решил заниматься фермерством.

Через полтора километра пути я оказался у желанного озера. Не знаю, как Дима ловил в нем форель, но подойти вплотную к водоему я не смог. Озеро со всех сторон окружал заболоченный грунт с высокой травой, и пройти к нему, даже прыгая с кочки на кочку, оказалось не возможным. Был август, и если бы в такое вечернее время я оказался около болотистой местности на российской равнине, от комаров не было бы спасения. Здесь же в Норвегии, при всех равных условиях, даже мошек не было видно. Побродив на обратном пути по пересеченной местности, я благополучно вернулся в дом, где все домочадцы сидели перед телевизором на первом этаже. Только я к ним присоединился, как за окном зашумел ветер и начался сильный дождь. Буквально через несколько минут в дверь постучали. Когда мы все вышли в коридор, заинтересованные, кого принесло в такую непогоду, оказалось, что это двое туристов-велосипедистов из Германии, кстати, ни владеющих, ни английским, ни норвежским языками. С горем пополам мы поняли, что у них сломалась палатка и им нужно переночевать. Они были готовы разместиться в гараже, сарае, ферме, лишь бы была крыша над головой. Светлана объяснила им, что в гараже и других постройках ночью будет холодно, а в доме она не может им предоставить ночлег, так как нет свободных кроватей, но посоветовала обратиться к соседу, который держит специальную комнату для проезжающих туристов. Промокшие немцы последовали этому совету и вскоре, как мы наблюдали из окна, они, недолго пообщавшись с соседом, входили в его дом.

Последним днем нашего визита в Тромсё было воскресенье, а планов оставалось еще «громать», и поэтому в десять часов утра согласно предварительной договоренности мы отправились на одну из

животноводческих ферм, хозяин которой любезно согласился показать свою ферму и рассказать о технологическом процессе. Асгеир, так зовут владельца фермы, не знал английского, и поэтому Светлана снова привычно взяла на себя функции переводчика. Переводила она легко и свободно, потому как сама в свое время занималась фермерством и знала все тонкости молочного производства. К тому же я и сам ранее занимался вопросами сельского хозяйства, работая первым заместителем главы администрации сельскохозяйственного района, поэтому все, что рассказывал Асгеир, было понятным.

Основное отличие его фермы от российских ферм – это наличие робота. К роботу подходит корова, и он (робот) устанавливает автоматический аппарат доения, доит и убирает механизм. Затем подходит следующая корова и т.д. У каждой коровы имеется встроенный чип, на который компьютер подает сигнал, и корова, согласно принятому сигналу, идет к роботу доиться. Подача сенажа, воды, уборка навоза – все механизировано, но эти процессы мало чем отличаются от наших, на отечественных фермах. Просто у нас, несмотря на механизацию, на ферме, практически всегда, имеется персонал доярок и скотников, которые могут что-то делать вручную. Асгеир работает один, и поэтому что касается чистоты в помещениях для скота, то в России они выглядят даже более предпочтительно.

Дети Асгеира не пошли по его стопам и не хотят заниматься фермерством. Это его печалит. Ему приходится с утра до вечера, без выходных трудиться в полную силу. На мой вопрос: «А если фермер заболит или ему нужно отлучиться на несколько дней?», хозяин объяснил, что в этих случаях государство через муниципалитет предоставляет работника соответствующей квалификации, причем заработную плату временному работнику оплачивает государство. Фермеры Норвегии имеют ощутимую реальную поддержку от государства. Удобрения, ядохимикаты, средства опыления предоставляются практически бесплатно. Кредиты фермерам выдаются беспроцентные. Кроме того, государство гарантирует закупочные цены для сельхозпроизводителей. Желая сохранить свое сельскохозяйственное производство, Норвегия не входит в Европейское экономическое сообщество и пользуется своей национальной валютой.

Поблагодарив Асгеира за подробный рассказ о жизни местных фермеров, мы на автомашине, за рулем которой привычно была Света, отправились на север по дороге, которая шла вдоль побережья. Слева было море и небольшая полоска земли, на которой располагались обычные дома и фермерские хозяйства, иногда на приличном расстоянии друг от друга.

Отличительная особенность Норвегии – отсутствие любых заборов у жилых домов. Даже в старой, центральной Европе частные дома окружены невысокими, точнее сказать, символическими заборами, через которые

можно легко перешагнуть, но все же, это какая-то граница частного владения. Здесь же заборы отсутствуют напрочь. Впрочем, на жилые дома норвежцев редко кто посягается. Преступность крайне низкая. Если даже наркоманы (а таковые имеются и в благополучной Норвегии) забираются в чужое жилище с целью ограбления, то забирают они, как правило, только деньги и драгоценности.

Однако, наше автопутешествие продолжалось. Справа от дороги, по которой мы ехали, возвышались горы. Вдоль шоссе, на деревянных столбах, даже без железобетонных пасынков, которые обычно вбиваются в грунт и к ним крепятся деревянные опоры, (по крайней мере, так делается в России) шла линия электропередач. Дорога в две полосы (одна из них – встречная) шла на многие десятки километров. Кое-где были оборудованы небольшие площадки для парковки машин, но их точнее, лучше назвать карманами.

Вообще, в плане инженерных коммуникаций Норвегия очень уязвимая страна. Наверное, понимая это, норвежские политики так единодушно уповают на «натовский зонтик». Хотя объяснить как этот «зонтик» их защитит и от кого, толком рассказать они не могут.

Так мы ехали довольно долго, любуясь красотами северной страны. Неожиданно дорога уткнулась в скалу. Это было очень необычно: шоссе заканчивалось огромными скалами, на которых не было даже тропинок. Мы вышли из машины. «А дальше что?» удивленно спросила Лидия Ивановна. «А дальше только Шпицберген и Северный полюс», - ответила Светлана, наш постоянный спутник и экскурсовод. «Край света!» - изумленно воскликнула Лидия Ивановна, и с ней было трудно не согласиться.

Немного остыв от эмоций, мы направились в обратный путь. Остановившись на одной из пришоссейных стоянок, Светлана проверила, что мы в соответствующей обуви, так как нам предстояла прогулка в горы, хотя прогулкой это назвать можно только с натяжкой. Подъем был достаточно крутым, но трудности и усталость компенсировались свежестью впечатлений. На вершинах гор был хорошо виден снег, который не тает даже летом. А зимой в горы устремляются горнолыжники: профессионалы и любители. Каждый год среди них происходят несчастные случаи. Администрация фюльке (губернии) регулярно предупреждает об опасности лавин, но многих это не останавливает и иногда кончается печально.

Мы выбрали популярный маршрут с тропками и местами для отдыха. Поднимаясь, мы часто останавливались, что бы полюбоваться непривычным для нас с женой пейзажем. И чем выше мы поднимались, тем более широкий обзор открывался нам на оставшееся внизу синевато-серое море с незаметными волнами, и нитку дороги, ведущую, как мы теперь знали, в никуда. Уже прилично поднявшись, мы увидели небольшое горное озеро с холодной и чистой водой. Каким образом оно образовалось на такой высоте

среди скал и камней осталось для нас загадкой. Пройдя еще немного, мы остановились на привал у огромного камня – валуна с плоской горизонтальной поверхностью. Еще из объяснений школьной учительницы географии я помню, что такие отшлифованные камни остались со времен ледникового периода, когда движущиеся армады льда могли запросто отполировать каменистые породы. Теперь мы могли не только видеть такой камень, но и использовать его как оригинальный, большой, обеденный стол. Вытащили из рюкзака термос с кофе, бутерброды и устроили очередной перекус.

Мимо нас по горной тропе проходили туристы, причем каждый проходящий приветствовал нас. Мы отвечали на приветствие, в очередной раз, отмечая воспитанность и вежливость норвежцев. В горы норвежцы ходят по-одиночке, семьями, компаниями. Это не только спорт, отдых и знакомство с природой, но еще и национальный культ. Ведь море и горы – это неизменные составляющие Норвегии. После бутербродов и кофе, нам уже не хотелось подниматься еще выше, и мы устроили фото-сессию на фоне горных пейзажей, редких деревьев, спокойного моря и чистого, синего неба.

Этот, наш последний в Тромсё день, был одним из самых насыщенных, но он еще не закончился. Возвращаясь домой, мы остановились у придорожного кафе, так как нас заинтересовали фигуры сказочных Тролли, установленных рядом с дорогой. Хозяин кафе пригласил нас пройти в здание, где он сможет предложить нам обед и напитки. Мы вежливо поблагодарили и отказались, но охотно воспользовались возможностью побеседовать с владельцем «таверны». Раз в месяц в один из выходных дней в этом кафе устраивается своего рода праздник. К этому дню готовится множество блюд и закусок, завозится огромное количество пива. Фермеры и другие жители со всей округи приезжают в этот день к Троллям, пьют пиво, кушают и веселятся. Каждый раз готовится новая развлекательная программа. Выручка от такого мероприятия больше, чем за месяц обычной работы кафе. Мы сфотографировались с Троллями, с гостеприимным хозяином кафе и направились к дому Светланы, где нам предстояло паковать чемоданы.

Вылетали мы на следующее утро ранним рейсом Тромсё - Осло. В Осло предстояла пересадка на рейс Осло – Санкт-Петербург, причем в аэропорту Осло в нашем распоряжении было всего полчаса, чтобы зарегистрироваться и не опоздать на свой рейс. Светлана, явно учитывая этот факт, сказала нам, что ей нужно навестить подругу в Осло, и она летит до столицы Норвегии вместе с нами. В аэропорту Осло мы тепло попрощались со Светой и наш самолет взял курс на Санкт-Петербург.

Моя милая, славная, добрая сестра, конечно «навестить подругу» был только предлог, чтобы проводить нас до Осло и убедиться, что мы успеваем на посадку на самолет до России. Светлана Павловна Акре сделала всё

возможное, чтобы мы увидели и познали как можно больше во время нашей поездки в Норвегию. Ее гостеприимство, заботу, обильные завтраки, обеды и ужины с дополнительными перекусами мы не забудем уже никогда.

В аэропорту Пулково нас традиционно встречал Алексей Аноров. Когда пообедав у него дома, мы уже самостоятельно направились с Лидией Ивановной на Московский вокзал, чтобы заранее купить билеты до Москвы (в северной столице мы планировали провести два дня) и спускались в метро, я, стоя рядом с женой на движущемся эскалаторе, раскинул широко руки и громко воскликнул: - «Россияне! Как я вас люблю!» Люди вокруг улыбались и понимали: земляк вернулся из далекого далека и откровенно радуется возвращению на Родину.

На следующий день, уже находясь в Петергофе, и гуляя по знаменитому парку, рядом с неповторимым по красоте дворцом русских императоров, мы с Лидией Ивановной, беседуя, пришли к выводу, что каждый житель Тромсё, а еще лучше, каждый житель Норвегии должны непременно побывать в Санкт-Петербурге, где они познакомятся с настоящей красотой: красотой Петрова города на Неве, красотой его окрестностей, красотой России. Пусть они пообщаются с русскими людьми и тогда наверняка будут не бояться нашей страны, а восхищаться и уважать Россию.

Однажды, когда я выступал с лекцией перед молодежной аудиторией, мне был задан вопрос: - «Вы повидали немало стран. Где бы Вы хотели родиться и жить заново, если бы это было возможно?»

-«Конечно в России!» - был мой ответ, и это действительно так.

Тромсё - Йошкар-Ола
12.02.2015 г.